

Г. П. ПОЛЯКОВ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ в «Histoire Générale» Г. ГЛОЦА

(Обзор издания)

Histoire Générale, publiée sous la direction de Gustave Glotz, membre de l'Institut

INTRODUCTION

Préhistoi •

Breuil, professeur au Collège de France
Lantier, conservateur du Musée des Antiquités nationales

1. HISTOIRE ANCIENN

Première Partie: Histoire de l'Orient

Alexandre Moret, membre de l'Institut, professeur au Collège de France.

Tomе I—Préhistoire. IV et III millénaires. Egypte, Elam, Sumer et Akkad, Babylone.

Tomе II—II et I millénaires. Les Empires. Rivalité des Egyptiens, Sémites, Indo-Européens.

Deuxième Partie: Histoire Grecque

Tomе I—Des Origines aux Guerres médiques.—Gustave Glotz, membre de l'Institut, professeur à la Sorbonne, avec la collaboration de Robert Cohen, professeur au Lycée Henri IV.

Tomе II—La Grèce au V-e siècle. Par les mêmes auteurs.

Tomе III—Le IV-e siècle. La Lutte pour l'hégémonie. Par les mêmes auteurs.

Tomе IV—Alexandre et l'Hellénisation du Monde antique. I-re partie: Alexandre et les Conséquences de la Conquête.—Gustave Glotz, Pierre Roussel, professeur à la Sorbonne, et Robert Cohen.

2-e partie: Les États gréco-macédoniens.—Sous la direction de P. Roussel, par A. Ayraud, maître de conférence à l'Université de Toulouse, E. Bickermann, chargé de cours à l'Ecole des Hautes Etudes, P. Collart, professeur à la Sorbonne.

Troisième Partie: Histoire Romaine

Tomе I—Des Origines à l'achèvement de la Conquête (133 avant I.-C.).—Ettore Pais, sénateur du Royaume d'Italie, professeur à l'Université de Rome.

Tomе II—La République romaine de 133 à 44 avant I.-C.

Première section: Des Gracques à Sulla.—Gustave Bloch, professeur à la Sorbonne, M. Jérôme Carcopino, membre de l'Institut, professeur à la Sorbonne.

Deuxième section: César.—Jérôme Carcopino.

Tomе III—Le Haut-Empire.—Léon Homo, professeur à la Faculté des Lettres de Lyon.

Tomе IV—Le Bas-Empire jusqu'en 395.

1-re partie: La fin de l'Empire païen.—Maurice Besnier, professeur à la Faculté des Lettres de Caen.

2-e partie: L'Empire chrétien.—André Piganiol, professeur à la Sorbonne.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Часть первая: «История Востока»—Александр Морэ.

- Т. I—Доисторические времена: IV и III тысячелетия, Египет, Элам, Сумер и Аккад, Вавилон.
Т. II—II и I тысячелетия. Восточные монархии. Антагонизм египтян, семитов и индоевропейцев.

Часть вторая: «История Греции».

- Т. I—От начала до Персидских войн—Г. Глоц в сотрудничестве с Роб. Когеном.
Т. II—Греция в V в.—Те же авторы.
Т. III—Греция в IV в. Борьба за гегемонию.—Те же авторы.
Т. IV—Александр и эллинизация античного мира.
Часть 1-я—Александр и последствия его завоеваний. Авторы: Г. Глоц, П. Руссель и Роб. Коген.
Часть 2-я—Греко-македонские государства.—Под ред. П. Русселя.
Авторы: Эмар, Э. Бикерман и П. Коллар.

Часть третья: «История Рима».

- Т. I—От начала до завершения завоеваний (133 г. до н. э.). Автор—Гектор Паис.
Т. II—Римская республика от 133 до 44 г. до н. э. Раздел 1-й—От Гракхов до Суллы. Авторы: Г. Блок и Ж. Каркопино. Раздел 2-й—Цезарь. Автор—Ж. Каркопино.
Т. III—Ранняя империя. Автор—Леон Омо.
Т. IV—Поздняя империя до 395 г. Раздел 1-й—Конец языческой империи. Автор М. Бенье. Раздел 2-й—Христианская империя. Автор—Андре Пиганиоль.

Серия по истории древнего мира из «Всеобщей истории» под ред. Глоца еще не закончена изданием. Первый, вступительный, давно предположенный к выпуску том, озаглавленный «Введение» (Introduction), еще не вышел; заключительный, четвертый том истории Греции и Рима также еще не вышел полностью из печати. Вышел только первый полутом Бенье, с измененным против предположенного заглавием: «Римская империя от воцарения Северов до Никейского собора». Но в общем характер и физиономия этого грандиозного издания достаточно рельефно выявились. Данная работа является типичной для французской историографии, которая вообще славится своим искусством синтезировать в изящной, привлекательной форме достижения кропотливых, узкоспециальных детальных исследований. Положение французской буржуазной историографии всегда было в этом смысле несравненно выгоднее и выигрышнее, чем положение немецкой. Старая немецкая наука поставляла, главным образом, специальные детальные исследования (Einzelforschungen).

Попытками охватить популярно-научными сериями историю человечества был богат во Франции особенно послевоенный период. Но такие серии, как «l'Evolution de l'Humanité» или «Peuples et Civilisations», представляя из себя серии трудов весьма многочисленных авторов, и не претендовали на какую-нибудь органическую цельность. Иное дело—«Всеобщая история» Глоца: она с самого начала была задумана как строго цельная и последовательно проведенная от начала до конца концепция. Образцом и прототипом историографа в значительной мере был для данного издания Фюстель де-Куланж. В основе же построения здесь всего отдела древней истории служили ранее выпущенные капитальные работы двух авторов истории Греции и Рима—Г. Глоца и Г. Блока. И теперь, когда уже

этих первоначальных авторов нет в живых, их труды в прилагаемой к истории библиографии рекомендуются, как основные. После очень длинного перечисления всевозможных исторических трудов на всех языках в заключение говорится: «Ни один из этих трудов не может заменить собою или освободить от необходимости обращаться к труду Г. Блока — *«La République romaine»*. Общая историческая концепция автора этого труда многое нам объясняет при изучении и того построения «Истории древнего мира», которое является предметом нашего обозрения. В предисловии к своему; названному выше, труду Г. Блок давал такую общую концепцию истории человечества: «Можно сказать, что в центре всеобщей истории стоит римская история. Она одной своей стороной погружена в глубины примитивных цивилизаций, а с другого своего конца являет образ обширного государства, организованного на новейший лад, с административным укладом, принципы которого не слишком разнятся от наших, с юридическим правом, которое лежит в основе наших юридических концепций...». И далее, в сущности, рисуются prospect и общие контуры как раз того плана, который проводится в общих чертах, несмотря на крупные отступления, и в рассматриваемой нами «Всеобщей истории». В своем обзоре литературы по римской истории за 1930—1935 гг. в журнале *«Revue historique»* обозреватель André Piganiol, он же будущий предполагаемый автор заключительного полутома всей «Древней истории» Глоца, выделяет из своего обзора последние по Риму выпуски «Всеобщей истории» Глоца, как заслуживающие особого детального разбора, который должен еще появиться в будущем. Несомненно, что эти томы являются наиболее яркими и становятся в центр всей «Всеобщей истории», в полном согласии с вышеприведенной концепцией покойного Г. Блока. Но со времени этой концепции многое изменилось. Во вступлении к своему обзору античной историографии André Piganiol дает ей такую общую характеристику для текущего момента. Он говорит: *«L'histoire ancienne est entrée dans l'âge des manuels et des répertoires. De la science historique elle tend sans doute à devenir la partie la plus rationalisée»* («Древняя история вступила в фазу капитальных руководств и фундаментальных справочников. В области исторической науки она готова стать отраслью наиболее, сравнительно с другими, разрабатанной»). И действительно, законченная только недавно первая часть отдела древней истории — «История Востока», написанная известным французским египтологом А. Морэ, представляет собою объемистый компендиум в двух томах с общей пагинацией в 894 страницы. На первом плане у автора, как у египтолога, разумеется, стоит Египет, затем страны, входящие в состав так называемого «классического Востока»; остальной Восток остается вне поля его зрения. При таком ограниченном горизонте Морэ пытается охватить всю историю входящих в этот кругозор древневосточных стран, от самых далеких доисторических времен до завоевания их Александром Македонским. После попыток Франсуа Ленормана (*«Manuel d'Histoire Ancienne des peuples de l'Orient»*, 2-e ed., 1881—1887) и Масперо (*«Histoire Ancienne des peuples de l'Orient classique»*, 1895—1899, в трех роскошно иллюстрированных томах) Морэ делает третью аналогичную попытку изобразить в одной цельной картине всю историю классического Востока: В то время как труд Ленормана представляет интерес лишь для истории восточной историографии, труд Масперо, составивший в свое время эпоху, вот уже почти 40 лет как служит весьма авторитетным и полезным справочником. Но и он, ввиду массы важных археологических открытий со времени его выхода, тоже в значительной мере

устарел; поэтому главное значение нового труда Морэ заключается именно в том, что он сумел суммировать все новейшие археологические данные, связывая их в одном живом, последовательном, четко продуманном историческом повествовании, не настаивая на каких-либо рискованных гипотезах, субъективных толкованиях фактов и слишком произвольных, прямолинейных решениях массы возникающих загадок и проблем. Некоторая неравномерность распределения материала все же дает себя чувствовать: некоторые страны и периоды трактуются очень суммарно. На это указывает и французская критика, отмечая, что, например, на историю Израиля от ее начала до падения Самарии отводится всего 30 страниц и затем на всю еврейскую историю периода персидского владычества—менее 10 страниц.

И это не случайно. Морэ вообще относится крайне отрицательно к традиционной тенденции выдвигать вперед на историческую авансцену «избранные» народы, евреев и греков, и считать базой «избранной» европейской цивилизации Гомера и Библию. Он призывает во имя исторической объективности стать на точку зрения современников «избранных» народов: «В глазах современных им восточных народов,—говорит он,—греки VI в. сами являлись не более и не менее, как «варварами», а израильтяне даже времен Соломона занимали очень скромное место наряду с прочими народами» (стр. 824). Отсюда Морэ делает такой категорический вывод: «Греки и евреи должны быть убраны с исторической авансцены, заполненной их фигурантами, искусственно принявшими исполинские размеры: они должны уступить свое место египтянам, месопотамцам и хананеям, культуры которых были несравненно более древни и, неоспоримо, оригинальны». Вот это, по мнению Морэ, уже «избранные» самой природой народы и страны, чтобы служить колыбелью общечеловеческой цивилизации. Им Морэ и посвящает свою историю Востока, которую он именно так и определяет в первой главе своего труда, озаглавленной «Введение в историю Востока»—«Introduction à l'histoire de l'Orient»: «По обе стороны миниатюрного перешейка, смыкающего наподобие крошечного шарнира два огромных континента Азии и Африки, природа на благодатной почве в близком соседстве взрастила Египет, Сирию и Месопотамию... Население их не было древнейшим в истории рода человеческого, но оно выделило впервые «исторические» народы, именно те, к истории которых без нарушения преемственности восходит наша современная... Там, на этом «Востоке» впервые выработалась культура, из местной превратившаяся в универсальную... И вот она-то, оттуда с Востока распространившись на Западную Европу, образует и по сие время основу нашей цивилизации» (там же). Таким образом, Морэ считает, что своей «Историей Востока» он подводит базу под историю западноевропейской цивилизации.

Но, кроме того, с первых же глав он озабочен подведением под свою «Историю Востока» солидной доисторической базы, и в этом отношении он считает, что его «История Востока» (в узком смысле, как она им понимается) находится в выигрышном положении сравнительно с историей прочих стран: «Во всех прочих частях средиземноморского мира,—говорит он (стр. 800),—пропасть отделяет доисторию от документированной истории: кланы, расы, орудия резко разнятся от эпохи к эпохе, в особенности от палеолита к неолиту. Льды тысячелетиями покрывают Европу, Малую Азию и Центральную Азию, прерывая развитие рас и техники, которые развиваются лишь в промежутках между ледниковыми периодами. Только Египет, Месопотамия и Сирия (кроме некоторых вершин Ливана) спасаются от обледенения, и человек там быстро проходит этапы между

палеолитом и неолитом». Глава II озаглавлена «Доистория Востока» и охватывает период до 3500 г., т. е. «период, предшествующий появлению фигуративных, а затем и письменных памятников». Глава III трактует о предистории (*protohistoire*) Египта и Месопотамии (3500—3200 гг.). Под этой предисторией Морэ разумеет переходный период от доисторических цивилизаций к эпохе I и II династий в Египте. Глава IV описывает «Египет под властью этих двух династий» (3115—2895 гг.), эпоху «возникновения централизованной монархии». Глава V посвящена эпохе Древнего царства, начиная с III и до VIII династии (2895—2360 гг.), эпохе «апогея и упадка абсолютной монархии». Глава VI озаглавлена: «Появление первых семитов в Западной Азии». Это своего рода переломный пункт в «Истории Востока» Морэ. Он резко противопоставляет египетских фараонов, царящих над мирными оседлыми массами (*sédentaires, pacifiques*), царям Вавилонии и Ассирии, которые постоянно приходят в соприкосновение с кочевниками, поглощают целые массы их, растворяющиеся в населении их царств, и сами сплошь да рядом ведут происхождение от номадов. Египетские фараоны, возглавлявшие «уравновешенную» египетскую расу, неизменно являются в изображении Морэ блюстителями порядка и политического равновесия не только в Египте, но и в Азии, поскольку на нее распространялась сфера египетского влияния. В главах VII—IX (стр. 305—425) сообщаются беглые краткие сведения о Месопотамии (гл. VII), о сумерах и аккадах и их соперничестве (гл. VIII), об аморитах, Вавилоне времен Хаммураби и, наконец, о переселениях арийцев, хеттов и касситов. Глава X возвращается к истории Египта, описывает переход от Древнего царства к Среднему (IX—X династии, 2360—2160 гг.), расцвет Среднего царства (XI—XII династии, 2160—1788 гг.), сношения с Азией в эту эпоху, нашествие гиксосов на Мемфис и касситов на Вавилон, конец Среднего царства (XIII династия, 1788—1660 гг.). Главы XI и XII трактуют о Новом царстве (1580—1085 гг.) и о «политическом равновесии» на всем Востоке, водворяемом египетскими фараонами XVIII, XIX и XX династий в союзе с более других «уравновешенными» азиатскими народами. Во время этого «кондоминиума» Египет достигает, по выражению Морэ, своей полной зрелости. Но уже начинает чувствоваться к концу периода некоторая усталость, и когда кондоминиум Египта с хеттами рушится, исчезает и «полное политическое равновесие» на всем Востоке. Глава XIII представляет своего рода интермедию, описывает хозяйничанье «мелких народов» в Азии—сирийцев, финикийян, израильтян, их историю с XII по VII в. до н. э. Глава XIV рисует судьбу Египта, его дробление, а также судьбу Ассирии и Вавилона (1100—612 гг.). Глава XV выводит на историческую сцену Персию и озаглавлена «Персидское царство и Египет». Заключительные слова этой главы (стр. 799) говорят о том, что престиж Египта остался, и после его падения, в веках нерушимым. «В IV веке тысячелетняя традиция, пред которой преклонились даже греки, именно в Египте утвердила трон господства над Востоком».

В заключительной части всего своего труда Морэ так характеризует тот же момент (стр. 822): «Грекам нехватало для управления Востоком «социальной доктрины» (*doctrine sociale*). И вот, народ Нила, самый стойкий из всех живших на свете, снабжает новых владык Востока политическим и психологическим опытом монархии, основанной на божественном праве, опытом испытанных учреждений и кодексом социальной морали как для администрируемых, так и для воспитания администраторов». «И в конце первого тысячелетия,—заключает Морэ,—опять древний Восток,

творец метафизики и религии, одержал моральную победу над своими победителями—греками и римлянами».

Такова концепция Морэ. При всей кажущейся или афишируемой им объективности ярко выступает его субъективизм и в смысле узкоевропейской ориентации, и в смысле классово-окраски его социально-политических тенденций, и в смысле его личных приспособлений, как специалиста-египтолога. Но как бы то ни было, его «История Востока» отличается несравненно более строгим единством принципов и построений, нежели следующие за нею «Истории» Греции и Рима, принадлежащие перу не одного, а нескольких авторов, не говоря уже о том, что эти авторы ни в коей мере не склонны к чрезмерной идеализации древнего Востока и специально Египта.

Переходя ко второй части отдела древней истории, к истории Греции, которая, как видно из заголовка, рассчитана на 4 тома (из них вышло только три), следует сказать, что такого органического единства, как в истории Востока, порученной одному автору, не чувствуется. Возглавлявшие первоначально все издание Г. Глоц и Г. Блок так поделили между собою роли, что Глоц брал для себя, так сказать, генезис античной культуры, а Блок—ее развитие до мировых, всеобъемлющих масштабов. Но на первых же порах выяснилось, что без сотрудников они обойтись не могут, и ближайшие их сотрудники—Роб. Коген, сотрудник Глоца, и Жером Каркопино, сотрудник Блока, оказались, в конце концов, их преемниками, еще при их жизни уже значительно повлиявшими на видоизменение общей физиономии и концепции всего коллективного труда. Роберт Коген выпустил «Историю Греции», помимо рецензируемой «Древней истории», еще в виде руководства или учебника для студентов, как пособие к университетскому курсу, а также в виде популярного издания в общедоступном изложении. Уже из заглавия его университетского курса греческой истории явствует его основная точка зрения. Он озаглавил его «Эллинизация античного мира» («*Hellénisation du monde antique*»). Таким образом, в то время как для Глоца, верного последователя и ученика Фюстель де-Куланжа, на первом плане были начала (*les origines*) органического развития всего исторического процесса, для его сотрудника и преемника Когена эти «начала» представляют второстепенный интерес и трактуются в виде ретроспективного обзора по отношению к центральным, капитальным историческим фактам. Таким центральным фактом всей древней истории Коген считает «эллинизацию античного мира». Эта концепция уже несомненно входит в конфликт с той концепцией, которую, как мы выше указали, исповедывал Блок, ставивший Рим в центре не только античной, но и всей всеобщей истории.

Первоначальная концепция редактора всей серии Глоца изложена в предисловии к тому I «Греческой истории», обнимающему период от «истоков истории» до Персидских войн. Глоц пишет в мае 1925 г., что свою «Греческую историю», как и все другие части издаваемой им «Всеобщей истории», он предназначает для «широкой образованной публики», а не для «замкнутых академических кругов», студентов и профессоров. Под образованной публикой он понимает «всех образованных людей, мыслящих и стремящихся к знанию». Это—люди, которые хотят быть в курсе результатов неустанной работы ученых всех стран и добытых ими знаний. Именно «благодаря этой неустанной работе и непрерывному накоплению знаний, самые солидные, казалось бы,—вечные, построения исторической науки оказываются быстро обветшавшими, распадаются и обнаруживают в своем

плане, когда-то стройном, существенные пробелы и провалы». «Требуется новая их перестройка из старых или новых материалов по плану, более отвечающему требованиям современности». По мнению Глоца, именно наступил такой момент, когда нужно, уступая справедливому требованию со всех сторон, коллективным усилием всех историков отрешиться от узкой специализации и превратить «хаос мелких фактов» в более верные концепции, на место устарелых. Это касается одинаково историографов всех периодов жизни человечества, но особенно, по замечанию Глоца, историков античности и средневековья. Документация этих более далеких от нашего времени периодов носит, сравнительно с более близкими к нам временами, отрывочный характер, а потому всякие новые открытия, хотя бы касающиеся частных, отдельных вопросов, способны сильно и резко влиять на изменение общей концепции. «Особенно приток археологических находок, надписей и папирусов совершенно изменил концепцию истории Востока и Греции эллинистического периода». Итак, «Всеобщая история», по мнению Глоца, прежде всего должна дать своим читателям возможность контроля предлагаемой концепции и пополнения вглубь и вширь сообщаемых в категорической форме сведений.

Поэтому сам Глоц снабжает свою «Историю Греции» подробной библиографией, охватывающей как источники литературные, эпиграфические, нумизматические и археологические, так и общие работы по политической истории, истории учреждений и общественной жизни, по истории экономики, литературы, философии и всех искусств, а также по развитию спорта и форм частной жизни. В заключение этой, образующей как бы преддверие ко всему труду, библиографии дается обзор периодики. А списки литературы, касающейся специальных вопросов, предпосылаются каждой главе, независимо от сопровождающих весь текст подстрочных ссылок на источники и научную литературу.

Второе требование, которое ставит Глоц к возглавляемой им «Всеобщей истории» и ко всем ее сотрудникам, заключается в том, что должна быть выработана и проведена через весь коллективный труд ясная историческая перспектива, «ибо невозможно правильно оценивать современную цивилизацию и предвидеть пути, на которые она вступает, без знания ее самых отдаленных начальных стадий». «Чтобы отдать себе отчет в настоящем и по мере возможности угадывать будущее, нужно прежде всего осмыслить все прошлое в целом, во избежание извращений исторической перспективы, смысла исторических фактов и характера развития общественных учреждений, наиболее верно отражающих, как в зеркале, жизнь и физиономию человеческих обществ».

Третье требование Глоца направлено против схематизма, против тенденции «вставлять историю исчезнувших обществ в созданные априорно произвольные рамки». Так получают лишь «субъективные решения односторонних проблем». Глоц противопоставляет им, как он выражается, «интегральную историю»—историю изменений человеческих отношений, изменений, «называемых, смотря по степени их интенсивности, эволюцией или революцией». Но, выставляя последнее требование, Глоц в то же время не предполагает, повидимому, возможности сразу охватить все стороны исторического процесса и потому рекомендует делать как бы паузы после каждого из важных исторических периодов для описания каждый раз «цивилизации данного периода, ее зарождения и роста в условиях, предварительно нарисованных перед глазами читателя».

Таковы принципы, положенные в основу «Всеобщей истории» Глоца. Посмотрим, как они реализованы в его собственном труде. Историю Греции Глоц намеревался написать целиком сам и притом закончить ее в трех томах. Роль его сотрудника, Роберта Когена, первоначально ограничивалась только доставкой материала. Но Глоц успел написать только два тома: том I, обнимающий период до Персидских войн, и том II, посвященный V в. Третий том должен был, по его первоначальному проекту, охватывать события от конца Пелопоннесской войны до римского завоевания, быть прелюдией к «Римской истории», как она была задумана Блоком. Совершенно так же в серии «Peuples et Civilisations» (т. II, 1923) охватывается в одном томе период «истории Греции и Востока от Персидских войн вплоть до римского завоевания» (P. R o u s s e l—La Grèce et l'Orient en des guerres médiques à la conquête romaine).

Теперь эту задачу смычки истории Греции с историей римской предполагается передать под общее руководство (sous la direction) автору вышеупомянутой монографии, проф. Сорбонны Пьеру Русселю (P. R o u s s e l). Предполагается поделить этот, еще не вышедший, четвертый том на две части: I—«Александр и последствия его завоеваний» и II—«Греко-македонские государства». Общее заглавие всему тому предполагается дать следующее: «Александр и эллинизация античного мира». Таким образом, ясна тенденция выдвинуть фигуру Александра в центр или, так сказать, в фокус не только истории Греции, но и истории всего древнего мира; точно так же в отделе «Римской истории» заметна тенденция Каркопино поставить в центр и фокус истории не только Рима, но и всего древнего мира,—Цезаря. Итак, налицо явное смещение основных точек зрения издателей «Всеобщей истории»—Глоца и Блока—их бывшими сотрудниками, а теперь руководителями их издания Когеном и Каркопино. Поэтому в целом все издание в значительной мере теряет ту цельность и единство исторической перспективы, которые Глоц провозгласил, как один из основных принципов задуманного им первоначально издания. В значительной мере отдельные томы «Древней истории» Глоца превращаются в такие же замкнутые монографии, как томы серий «L'Evolution de l'Humanité» и «Peuples et Civilisations». Да и большинство авторов «Истории» Глоца, как и сам Глоц, участвуют в названных сериях. Так, в основу первых глав «Истории Греции» положена Глоцом его монография, входящая в серию «L'Evolution de l'Humanité» (v. IX) под заглавием «La civilisation Egéenne», а в дальнейших главах в значительной мере костяком или каркасом служит другая монография Глоца из той же серии (v. XIV)—«La cité grecque. Le développement des institutions».

Что касается конкретного построения «История Греции», то оно сводится в основном к следующему.

Как это делается обычно, Глоц начинает свою «Историю Греции» географическим обзором (гл. I). Глава II посвящена доэллиническому Криту; в ней суммируются результаты раскопок со всей их проблематичной хронологией в обычной французской манере легкого, изящного, поверхностного синтеза. Глава III посвящена «великим миграциям» (les grandes migrations. Achéens et Doriens). Предварительно предупредив, что история Греции до VIII в. в сущности покрыта мраком неизвестности (obscurité de l'histoire grecque avant le VIII-e siècle), Глоц на основании опять-таки шатких археологических данных набрасывает целый ряд, целую панораму картин: глава I—«Греция до греков»; глава II—«Ахейский мир»; глава III—«Дорийское нашествие и рассеяние ахейян». Глава IV озаглавлена:

«Гомеровский период». Тут уже Глоц не ограничивается писанием картин, но по системе Фюстель де-Куланжа старается изобразить и «социальную, политическую и экономическую эволюцию» (*l'évolution sociale, politique et économique dans la cité*, стр. 131—150), причем утилизирует и вкрапливает тезисы и результаты своих этюдов по истории греческой семьи и правовых отношений. Глава кончается картинным изображением «Греции к концу гомеровских времен» («*La Grèce à la fin des temps homériques*»). Глава V посвящена колонизации, повествует о ее причинах, делений на восточную, западную и южную, и о ее последствиях. Главным следствием колонизационной экспансии Глоц признает зарождение чувства «морального единства» греков в силу противопоставления себя «варварам». «Колонизация,—говорит Глоц (стр. 216),—сделала осязательной для потомков Геллена (т. е. эллинов, греков) таинственные узы расы, языка и религии, объединявшие их помимо их сознания». Дельфы, обязанные своим ростом и обогащением колонизации, славятся как «моральный центр (*la capitale morale*) эллинизованного мира» (*d'un monde hellénisé*). Вот это «моральное единство» полумистического-полуетнического характера и служит лейтмотивом всей «Истории Греции» в частях, главным образом, написанных Глоцсм. Главы VI, VII и VIII посвящены трансформациям Греции за период от VIII до конца VI в. (стр. 217—335) и описанию «кризиса экономического, социального и политического» (стр. 217), из которого Греция выходит преобразованной (*transformée*).

После этого суммарного обзора всех греческих мирков Глоц переходит к специальному выделению Афин и Спарты, как показателей двух антагонистических тенденций греческой истории: «верности традиции» (*la fidélité à la tradition*) и «движения вперед» (*la marche en avant*). Спарте до Персидских войн отводится всего одна IX глава (стр. 335—375). Глоц говорит о троякой идеализации Спарты, разбивает иллюзии, как он выражается, «трех о ней романов»; опираясь на результаты новейших раскопок (стр. 339), он утверждает, что Спарта сравнительно поздно установила режим, не похожий на режим других греческих общин. Но когда он переходит к попытке реконструировать историю Спарты до Персидских войн, он предупреждает, что эта история является сплошь да рядом лишь агломератом шатких гипотез «на основании недостаточных и даже противоречивых документальных данных» (стр. 339). И все-таки он решается «разгадать загадку, рассеять мрак» (*et pourtant il faut bien essayer de déchiffrer l'énigme, de percer les ténèbres*). Но если текст, рисующий картины истории и жизни Спарты, подкупает своей живостью, ясностью и простотой, то подстрочные примечания, вскрывающие резкие разногласия как свидетельства древности, так и их толкований новейшими историками, взрывают цельность и убедительность рисуемых картин и заставляют поминутно вспоминать о предостережительных добросовестных предупреждениях самого автора. Так, вопрос об илотах и периеках, несмотря на картинное изображение их быта и даже «моральных их состояний», остается, в конце концов, совершенно темным и запутанным. После двух глав, X и XI, трактующих об Афинах при аристократическом режиме (гл. X), и об Афинах, вступивших на путь демократических завоеваний от Солона до Клисфена (гл. XI), следует ряд заключительных глав, развивающих вышеупомянутый лейтмотив «Истории Греции» Глоца—«моральное единство Греции» (*unité moral de la Grèce*). Это единство представляется продуктом «персидской угрозы». «Смертельная опасность (стр. 485) открыла глаза грекам на тот факт, что они явля-

ются членами одной семьи, и что у них есть общее наследие (*patrimoine*), которое нужно защищать» (гл. XII трактует специально о «религиозном наследии», гл. XIII—о «наследии литературном» и, наконец, гл. XIV—о «наследии эстетическом» из области архитектуры, скульптуры и живописи, а также керамики и ювелирно-чеканного искусства). В виде общего заключения всего I тома Глоц поднимает вопрос о трагическом конфликте двух принципов греческой истории—принципа автономии разбросанных греческих мирков и их морального единства. «Инстинкт самосохранения сотворил чудо: Греция была готова образоваться, и она образовалась» (*l'instinct de conservation opera un miracle... la Grèce était dans le devenir, elle fut*). Афины возглавили это движение. Глоц вынужден признать, что политическое объединение не было единодушным и не пережило породившей его опасности. Но это его не смущает, и он опять возвращается к своему излюбленному лейтмотиву и заключает свой I том фразой: «Это ничего не значит. Все-таки моральное единство Греции проявилось во всем блеске, и оно существовало, пока существовала сама Греция» (стр. 603). Конец I тома, таким образом, дает такую концепцию, которая служит прелюдией ко II тому, почти целиком посвященному Афинам.

Второй том начинается с описания греко-персидских войн (гл. I и II), организации Делосского союза (гл. III), затем «демократического преобразования Афин» (гл. IV); главы V и VI посвящены «империализму» Афин. При этом Глоц различает два вида афинского «империализма»: «вооруженный империализм» (*imperialisme armé*) и «империализм мирный» (*imperialisme pacifique*), связанный с именем Перикла. Далее следует вереница глав (VII—XVIII, стр. 166—602), посвященных описанию афинской демократии и всех сторон жизни перикловых Афин. Сравнительно коротко в трех следующих последних главах описываются перипетии Пелопоннесской войны вплоть до «падения Афинской державы». Заключительным аккордом всего тома является итог под заглавием: «Великий век истории Афин» (*Le grand siècle d'Athènes*, стр. 706—719). Глоц бросает прощальный взгляд на Афины V в. и опять возвращается к своему излюбленному лейтмотиву о «моральном единстве» греков, которое, казалось бы, под эгидой Афин могло бы привести к единству политическому, «если бы не помешали политические промахи и грехи Афин».

Такова концепция «Истории Греции» у Глоца в принадлежащих ему всецело первых двух ее томах. В III томе он предполагал ее совсем закончить. Он первоначально озаглавливал III том так: «Греция с IV в. до римского завоевания». Таким образом, он не думал особенно развивать в подробностях историю промежуточного эллинистического периода, которому как-раз особенное значение придал его сотрудник, а затем преемник—Коген. Последний еще при жизни Глоца добился некоторого изменения плана «Истории Греции», и уже сам Глоц при сотрудничестве Когена решил ограничить III том периодом от конца Пелопоннесской войны до смерти Александра. По смерти Глоца, Коген, на правах хозяина, внес дальнейшие изменения в план издания, решив ограничить III том еще меньшим периодом. Этот том, вышедший в 1936 г., обнимает лишь историю Греции IV в. до 336 г. Понятно, что Коген, придавая огромное значение эпохе эллинизма, когда, по его выражению, произошел грандиозный всемирно-исторический факт «слияния Востока и Запада», выделил в особый самостоятельный том подготовительный к эллинизму период, период лихо-

радочной борьбы греческих свободных государств за преобладание, «гегемонию» (404—336 гг.). Эта борьба кончается утратой независимости Греции. В заключительной части под заглавием: «Греческие общины и Македония» Коген стремится переключить читателя с точки зрения Глоца, для которого в центре стояли Афины, на свою точку зрения, причем он, соблюдая этикет, пользуется ссылками на самого Глоца, на его работу— «Греческий полис» («La cité grecque»). Глоц в своем культе Афин, как мы видели, шел на компромисс, признавал грехи Афин. Так, в конце III тома Глоц—Коген ставят вопрос: «Если победа Филиппа означает победу силы, то что означала бы в конечном итоге победа Афин?» и отвечают: «На наш взгляд это была бы победа права. Но так ли это было бы на взгляд эллинов?—Конечно, нет. Победа Афин была бы для них тоже победой силы». «Ведь это они в предыдущем веке напрягали целых 30 лет все свои усилия для того, чтобы сделать эту победу невозможной». «Итак, греческая свободная община умерла, но греческий дух жив и остается живым навсегда». Этим пока кончается «История Греции» в серии Глоца. В перспективе— IV том, в котором окончательно будет проведена точка зрения бывшего сотрудника Глоца—Когена.

Из данного обзора «Истории Греции» Глоца видно, что Глоц всячески старался практически осуществить те принципы построения всеобщей истории, которые он коротко и ясно изложил в предисловии к I тому своей «Истории Греции». Безусловно он осуществил первое свое требование относительно снабжения текста истории исчерпывающей библиографией. Но как-раз эта исчерпывающая библиография и разрушает иллюзию синтетического изложения истории Греции, «histoire intégrale», по выражению Глоца. Точно так же и историческая перспектива, долженствующая, по мысли Глоца, выявить отношение прошлого к настоящему, нарушается заметными разногласиями соавторов относительно общей исторической концепции. И если перейти к третьему разделу «Древней истории» Глоца—«Истории Рима», то там неувязка будет еще более значительной.

Первый том «Истории Рима», обнимающий период от начала до завершения завоеваний (133 г. до н. э.), пришлось поручить итальянскому историку Гектору Паису, известному своими исследованиями специально царского периода римской истории и эпохи Пунических войн. Присланная им итальянская рукопись была переведена известным французским историком Жаном Байе и выходила выпусками с 1926 по 1929 г. Этот объемистый том (свыше 600 страниц) начинается с библиографии по римской истории, за которой следует введение, посвящающее в источники римской истории и в вопросы о ее достоверности, причем характерно замечание о немецкой историографии вообще и о Моммзене, в частности, как о бесспорном ее корифее. По мнению Паиса, все немцы, не исключая самого Моммзена, легко впадают в крайности то конструктивного, то деструктивного свойства. О французских историографах он умалчивает. Но, разумеется, подход у него к римской истории сравнительно с подходом Блока совершенно отличный, поскольку у Блока центр тяжести лежит на внутренней эволюции Рима, а у Паиса—на внешней его экспансии, как показывает и само заглавие I тома. Блок в своей монографии («La République romaine») прямо начинает с того, что отказывается от определения социального и политического строя древнейшего Рима, как ускользающего от прямого наблюдения, и переходит сразу к «заре исторических времен» для косвенных заключений о периодах более древних. Паис, напротив, посвящает объемистую (стр. 29—82) главу I описанию доримской Италии

и Рима царской эпохи. Глава II (стр. 82—131) обнимает период от учреждения республики до «изгнания галлов». После этого поворотного пункта начинается систематическое описание римской экспансии. Глава III (стр. 134—185) уже трактует о Самнитских войнах и о завоевании Южной Италии, причем Паис не упускает случая подчеркнуть «моральное превосходство римской цивилизации». Глава IV трактует о Карфагене и о прелюдиях к Пунической войне, причем, как кистый потомок римлян», Паис рисует самыми непривлекательными чертами римских врагов—карфагенян. Главы V, VI, VII, VIII, IX (стр. 220—453) посвящены первым двум Пуническим войнам, из которых вторая выдвигается в центр внимания во всем томе. Описав вторую Македонскую войну (гл. X), «войну против Антиоха Сирийского» (гл. XI), ряд «войн на Западе, веденных за 201—154 годы» (гл. XII), Паис переходит к описанию «третьей Македонской войны» (гл. XIII), завершившейся превращением Македонии в римскую провинцию и окончательным «закреплением позиции Рима на Востоке» (гл. XIV). Глава XV трактует об окончательном утверждении Римом своих позиций на Западе в результате третьей Пунической войны и Испанских войн, веденных с 154 по 133 г. В заключение Паис бросает ретроспективный взгляд на развернутую им картину экспансии Рима во II в. и подчеркивает охлаждение военного пыла и падение военной дисциплины к концу охваченного им периода. Объясняет он это, между прочим, «зловредной мятежной агитацией». Таким образом, с внешней стороны, как будто, I том «Истории Рима» вплотную подходит к II тому, который начинается как-раз с описания событий 133 г. и обнимает бурный период от выступления Гракхов до смерти Юлия Цезаря.

Том II под заглавием «Римская республика с 133 до 44 г. н. э.» был выпущен в два приема: в 1929 г. вышел 1-й полутом (с предисловием бывшего еще тогда в живых Глоца), который кончается описанием диктатуры Суллы. Глоц пишет в предисловии, что весь этот том должен был выйти целиком из-под пера Г. Блока, но в действительности почти целиком написан Каркопино, который явился не только продолжателем труда Блока, но и фактическим его составителем. Каркопино в основу своего изложения положил известные свои этюды о Гракхах и о Сулле для 1-го полутома и свои этюды—«Points de vue»—о римском «империализме»—«sur l'imperialisme romain»—для 2-го полутома под заглавием «Цезарь», вышедшего в 1935—1936 гг.

Главное внимание всех критиков сосредоточивается на этой второй части II тома «Истории Рима». Эта часть представляет своего рода монографию, целиком направленную против известной монографии Эд. Мейера—«Монархия Цезаря и принципат Помпея». Каркопино признает, что, несмотря на то, что он является противником основного положения этой монографии, которая представляется ему весьма неуклюжей и по своей композиции, и по стилю, он, тем не менее, стоит на базе собранных Эд. Мейером в его монографии данных, фактов и материалов. И, в сущности говоря, действительно монография Каркопино является не столько историческим исследованием, как монография Эд. Мейера, сколько основанным на ее материале драматическим этюдом, где на первом плане стоит психология исторических лиц и развития событий. Так именно характеризует эту монографию в своей статье «L'agonie de la République romaine» известный французский историк Байе (B a y é) в «Journal des savants» (1936, № 4, pp. 163—173). Он говорит: «Невозможно резюмировать содержание этой монографии. Нужно ее целиком прочитать. В ней драмы непрерывно сме-

няются драмами; персонажи всех видов появляются, вырастают среди этих драм, эволюционируют; всевозможные интриги взаимно переплетаются. Чтобы в них не запутаться, нужно не упускать из виду зигзаги мысли самого автора». Затем Байе выражает сожаление, что смерть не дала написать эту часть римской истории Блоку «с его трезвостью и ясностью, всем известными» (*avec la sobriété et la clarté qu'on lui connaît*). Байе хвалит те уцелевшие еще наброски, которые сделал приступивший было к труду перед смертью Блок, и находит, что они очень хорошо увязывались с предшествовавшим томом «Истории Рима», написанным Паисом, и вместе с тем указывает, что трудно увязать творение Каркопино с последующим томом «Истории Рима», написанным известным историком Л. Омо—«Ранняя империя». В сущности III том «Истории Рима», написанный Омо для «Всеобщей истории» Глоца, является продолжением двух его монографий, выпущенных в серии «L'Evolution de l'Humanité»—«L'Italie primitive et les débuts de l'imperialisme romain» (vol. XVI) и «Les institutions politiques romaines. De la cité à l'État» (vol. XVIII). Главный момент «политической программы» принципата, истории которого посвящен III том «Истории Рима» в издании Глоца, и определяется у Омо именно как переход от городского уклада к государственному—«de la cité à l'État». Омо пишет в своем резюме содержания III тома о принципате—«L'oeuvre du principat» (стр. 602): «Город Рим, который завоевал мир, не сумел его организовать. Эту задачу республика при своем исчезновении завещала принципату». На странице 616, подводя итоги того, чего достиг принципат, Омо характеризует достигнутые результаты, как «неполноценные, неустойчивые и не представляющие собой чего-либо определенного и завершенного» (*ircomplets, instables, non définitifs*). В центр Омо ставит фигуру Августа—«fondateur du régime». Глава I озаглавлена «Vers l'Empire!»; Август, «завоеватель власти», выступает идеальным олицетворением принципата. Ему посвящена первая часть драматической трилогии принципата. Вторая часть трилогии озаглавлена «От принципата к военному деспотизму» и, наконец, третья часть трилогии озаглавлена—«Либеральная империя II в. от Нервы до Коммода» (96—192 гг. н. э.). Она дает, как плод высочайшей мудрости, следующую формулу принципата, созданного Августом. Эта формула, по определению Омо, оказывается, сводилась к «сосуществованию реальной военщины с фиктивным мишурным фасадом гражданственности» (*coexistance d'une réalité militaire et d'une façade civile*, стр. 603). «Август и те из его преемников, которые оставались верными этой формуле принципата, обеспечили его существование на протяжении двух веков с лишком, до того момента, когда Коммод решительно повернул в сторону военной тирании и восточного деспотизма, чем и похоронил навеки принципат». Таким образом, Омо, в конце концов, всю сущность и тайну успеха принципата сводит к иезуитскому так называемому «благочестивому обману» (*pia fraus*), к спасительной лжи.

Переходим к последнему, вышедшему в 1937 г., выпуску «Истории» Глоца: М. Бенье—«Римская империя от воцарения Северов до Никейского собора» (193—326 гг.). Прежде, в прежних проспектах, этот отдел носил название «Языческая империя» или «Конец языческой империи», в соответствии с заглавием объявленного, но еще не вышедшего заключительного полутома IV тома—«Христианская империя» А. Пиганиоля.

Бенье начинает без всяких предисловий и введений, прямо с того момента, которым обрывается «Ранняя империя» Омо,—гибели импера-

тора Коммода. Глава I посвящена борьбе за престол и царствованию императора Септимия Севера (193—211 гг.); глава II—его преемникам и, главным образом, Александру Северу (222—235 гг.). Глава III описывает состояние империи в эпоху Северов. Глава IV рисует анархическое господство военщины (*L'anarchie militaire*) (235—268 гг.). Глава V обозревает состояние Римской империи после 268 г., причем отдельно от остальной империи рассматриваются обособившаяся Галльская империя и царство Пальмиры. Глава VI трактует об «императорах-иллирийцах», уроженцах иллирийских, или придунайских, провинций (*les empereurs illyriens*) (268—288 гг.), которые пытаются водворить порядок и в известном смысле готовят почву для выступления государей-реформаторов—Диоклетиана и Константина. Им и посвящаются последние заключительные две главы, VII и VIII, которая кончается описанием Никейского собора, как моментом окончательного закрепления союза государства и церкви и христианизации Римской империи. Таким образом, полутому Бенье вплотную примыкает к готовящемуся заключительному полутому всей «Древней истории» Глоца—«Христианской империи» Пиганиоля. Надо заметить, что Бенье находится в полном контакте с Пиганиолем, который отредактировал его часть и как бы расписался под ней. С другой стороны, оба, Бенье и Пиганиоль, отлично гармонируют с Морэ и установками его «Истории Востока». Конец «Древней истории» Глоца находится в полном согласии с ее началом, чего никак нельзя сказать о середине, в которой имеются, как уже было показано, серьезные неувязки между авторами и их концепциями. Нельзя сказать, чтобы эта середина абсолютно гармонировала с началом и концом. Несомненно, в этом разное сказался кризис традиционных установок французской историографии, воздействие на них новых «либеральных», иногда диаметрально противоположных старым либеральным установкам, веяний.

Французская историография имеет свои прочные традиции, но в данной серии «Древней истории» Глоца они не проводятся последовательно. Во всяком случае, буржуазная позиция старофранцузской науки, которая здесь афишируется, уклоняется то в сторону клерикальной, то в сторону фашистской итальянской историографии, хотя с нею и полемизирует. Известно, что есть много связей как у фашистской, так и у клерикальной историографии с историографией либеральной, буржуазной. Уже в «Истории Востока» Морэ чувствуется этот клерикальный душок. В сущности, Морэ дал в «Истории» Глоца лишь развернутую несколько шире концепцию, которую он уже раньше сформулировал в своей монографии, написанной для серии «*L'Evolution de l'Humanité*» (vol. VI)—«*Des Clans aux Empires*» (*L'Organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancien*). Там Морэ в заключение, подводя итоги истории Востока, говорит: «Мистическая концепция, которая оживотворяла клан, одухотворяет, животворит и колоссальные объединения людей в Древневосточной империи» (стр. 412—413). «Александр Великий, Птолемей и Цезари в свою очередь, как фараоны, будут насаждать культ властелина вовсе не из какого-нибудь пустого тщеславия, но с определенной политической целью консолидировать моральное единство масс» (*consolider l'unité morale*). Разнородные массы, оказывается, можно объединить только «мистической связью» общего культа царя (монархизм) или царя-жреца (цезарепапизм) или жреца—наместника самого бога (папизм).

Точно так же и в «Истории Греции» самого Глоца есть пассажи, которые тоже отдают несколько иезуитским душком, например идеализация жре-

ческих Дельф или иезуитская постановка вопроса о праве и насилии в спорах о том, чья победа в культурном отношении была бы желательна: демократических Афин или Македонской монархии. Как известно, этот вопрос в первое время после мировой войны резко разделял на два враждующих лагеря немецких и французских историографов. Сам так называемый «тигр» Клемансо, воображая себя французским Демосфеном, спасителем Франции, как новых демократических Афин, от посягательств новоявленной Македонии, т. е. пруссаческой Германии, выпустил тогда в роскошном издании монографию о Демосфене. С жаром доказывали французы (Hatzfeld и др.), что в IV в. были все данные для возможности демократического объединения Греции и спасения ее независимости. Теперь же, в 1936 г., в «Истории Греции» Глоца—Когена мы имеем такой двусмысленный ответ на тогдашний спорный вопрос: «Победа Афин являлась бы, с нашей точки зрения, победой права, но, с точки зрения греков, это была бы победа насилия».

При всех этих недостатках серия древней истории Глоца не перестает оставаться типичным изданием истории древности, отображающим старые либеральные установки буржуазной исторической науки во Франции. Стремление собрать большой материал, синтетически объять его, дать общее построение и отобразить в нем некую политическую идею роста государственности, линию культурного развития древности, идеализация античности,— вот характерные черты этого большого издания Глоца. Из других иностранных серий такое издание, наряду с Кембриджской серией, является последним словом науки капиталистического Запада.

Если говорить о положительных пособиях по древности среди этих различных серий, то, несомненно, после Кембриджской истории древности издание Глоца может быть поставлено на второе место.

Характер изложения должен быть признан популярным и живым, чуждым тому гелертерскому тону современных немецких изданий, где господствует жреческий заумный язык фальсификаторов истории.

Для написания нашей советской «Истории древнего мира» серия Глоца дает одновременно и примеры того, как нельзя писать и строить архитектурно (в особенности по Востоку) наше советское издание, так и те примеры положительного порядка, которые говорят о попытках охвата большого материала в единое стройное целое (как это сделано по Греции).

Что же касается взглядов авторов и противоречий в их концепциях, то наша марксистская «Всемирная история» должна дать обстоятельную критику всех антимарксистских построений древней истории в современной буржуазной исторической литературе.

